

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Викентия Владимировича Чекушина
«Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Находящаяся на самом острие современной научной повестки, диссертация В.В. Чекушина вносит значительный вклад как в изучение творчества А.Н. Толстого, так и в общее понимание культурных стратегий, присущих обеим ветвям национальной словесности первой половины XX в. – эмигрантской и советской. Одновременно с этим соискатель успешно идентифицирует и в актуальных научных категориях описывает ту своеобразную «страту» изгнанников и добровольных беглецов из Отечества, которые так и не смогли пристать к противоположному берегу и, просуществовав немалое время в болезненной межеумочной развилке, всё же рискнули – и вернулись в СССР. Системная значимость таких биографий (а среди их обладателей есть и настоящие литературные колоссы, как Андрей Белый и Марина Цветаева) крайне важна – она позволяет усложнить и разнообразить картину поведенческих сценариев, уйти от губительного для культуры бинаризма. Жизнетворчество А.Н. Толстого, эмигранта и «возвращенца», в этом отношении предоставляет исследователю исключительно многообразный материал.

В своём аналитическом подходе В.В. Чекушин опирается на авторитетную традицию изучения «жизнетекстов», культурных жестов «человека эпохи...», восходящую в отечественной науке к школе Лотмана, через нее – к формалистам (Винокур, Эйхенбаум), Ходасевичу, а далее – к общей системе модернистских самоописаний. При этом соискатель обогащает поведенческую семиотику теорией полей Бурдьё, его идеями борьбы за символический капитал, делает это весьма удачно, отчего работа существенно выигрывает, обретает эвристичность, **новизну**, обусловленную не только привлечённым материалом и избранным общим ракурсом, но также мощной, хорошо отрефлектированной методологией. Всё сказанное позволяет мне уже в начале отзыва высоко оценить **теоретическую значимость** рецензируемого труда, а также филологическую культуру, обширную эрудицию его автора.

Описать траектории писательского самоопределения, периодизировать их, показать связь с историей – задача, при всей очевидности постановки вопроса, крайне непростая, и об этом мне ещё придется сказать ниже. Пока отмечу, что В.В. Чекушин с честью справился с основными сложностями, продиктованными избранным подходом, и главную **цель** своего исследования, как она сформулирована на стр. 21, несомненно достиг. Так, соискатель прицельно точно конфигурирует контекст, окружающий и подсвечивающий «деяния» главного героя работы.

Сначала – это уже виртуальный ввиду давней кончины Тургенев, затем вполне актуальный современник, академик и нобелиат, Бунин, несколько «фоном» ощущается присутствие Горького (его, возможно, могло бы быть и больше, но – об этом судить самому В.В. Чекушину). Сведения о профессиональной репутации А.Н. Толстого черпаются из архивных записей, опубликованного эпистолярия, изученного массива мемуаров, принадлежащих перу разных представителей эпохи, литературной критики. Результатом проработки всех этих источников, отразивших «след» автора «Хождения по мукам», стало целостное освещение истории Толстого-писателя, курс которой ловко прокладывался им по притягательным маякам литературных влияний и межидеологических Сцилл и Харибд.

И вот здесь я бы перешёл к объективным трудностям подхода, к тому запрограммированному дискомфорту, в условиях которого приходится «выживать» исследователю. Остановлюсь сперва на самом простом – о чём только что говорилось: контексте. Понимаемый в сугубо историко-литературной перспективе, он выстраивается В.В. Чекушиным практически безошибочно. Однако у совокупности жизнетворческих сценариев начала – первой половины XX в. есть и иное – эстетическое – измерение. Причём его суть кроется не в разграничении профессиональных репутаций, с одной стороны, и квази-религиозной теургии – с другой, справедливое, хотя, как кажется, излишне длинное сопоставление которых мы видим во Введении. Очевидно, что никакими теургиям Толстой подвержен не был. И Бурдые здесь вряд ли поможет: его теория не учитывает (и не может учитывать) специфики русских условий. А именно – существования огромного массива потаённой литературы, не маргинально-второстепенной, находящейся у внешней кромки «поля», а именно потаённой, состоящей нередко сплошь из шедевров (Ахматова, Мандельштам, Платонов, Кржижановский и мн. др.). А.Н. Толстой, ненавидимый или хвалимый, но всегда – печатаемый, был, понятное дело, от них неизмеримо далёк, но вот *характер* жизнетворческого самоутверждения таких людей в культуре обязательно, на мой взгляд, должен был быть учтён. Обидным в этой связи является отсутствие на страницах работы, а также в её библиографическом списке знаменитой «статьи пяти авторов» (Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. № 7-8. С. 47-82, неоднократно затем переиздававшейся), в которой впервые реконструирован сценарий «присутствия» в истории, принятия её при одновременном формальном «исчезновении» в тени парадигматического «писателя Сталина». Учёт этого подхода, как мне кажется, существенно бы обогатил общую палитру решений диссертанта: лишённые всякой возможности заявить о себе публично, совершить тот самый «жест» (если только перед нами не самоубийственное поведение Мандельштама), художники этой условной группы направляли энергетику своего жизнетворчества на единственное доступное им пространство, а именно – собственно на текст, в хитросплетения кото-

рого «уносилась» и там шифровалась автобиография. Повторю: я убежден, что в узком смысле, т.е. применительно к Толстому, находки «пяти авторов» малопродуктивны, т.к. публичный характер деятельности «советского графа» располагает к иным стратегиям прочтения, однако текстоцентризм, положенный в основу «семантической поэтики», вполне возможно, В.В. Чекушину мог бы и пригодиться.

И вот здесь я бы хотел сказать о том, что меня по прочтении в целом очень достойной диссертации красноярского исследователя немного насторожило. Работа содержит несколько прекрасных, очень иллюстративных экскурсов в поэтику художественного произведения – речь идёт о параллелях из Тургенева и Гоголя, которые мы видим на страницах первой и второй глав. Одна из главных задач работы здесь успешно решается. Исследователь делает точные выводы из предпринятых сопоставлений: литературный дебют под символическим «прикрытием» Тургенева, затем – конфликтно-саркастическое расставание с ним как с устаревшим «архаистом». Гоголь видится и мыслится Толстым более универсально: жил он давно, да и связей с «усадебным текстом» классики у него немного. Гоголевские мотивы в «Похождениях Невзорова, или Ибикусе» представлены и прокомментированы очень ярко (см. С. 75-77). Также ценной представляется опора на журнальную первопечатную версию текста при разговоре о романе «Пётр Первый» (параграф 3.2 третьей главы). Но этим собственно литературный пласт работы практически исчерпывается.

Всё та же, уже отмеченная, особенность избранного подхода – т.е. стремление описать траекторию самоутверждения как суверенный «текст» (недаром в конце освещается «геройность» самого писателя как «трикстера») – допускает рискованный манёвр в сторону *от* художественного произведения. В оптике В.В. Чекушина А.Н. Толстой предстаёт и как создатель, и как герой, и как актёр некоего самоценного «театра», положение фикциональных текстов относительно которого делается служебным. Ряд фрагментов исследования можно в некотором смысле счесть и вовсе «безматериальными». Таков, в частности, раздел о Бунине, толчком к написанию которого «со стороны» Бунина послужил его знаменитый очерк «Третий Толстой», а «со стороны» Толстого – единственная его реплика, причем поданная сквозь призму бунинских же мемуаров. Вот она: «Не смей делать мне замечания <..> Я граф, мне наплевать, что ты – академик Бунин» (С. 88). Концептуальным, т.е. пригодным для формулирования основного тезиса раздела, диссертант считает почти исключительно этот эпизод. Однако из столкновения, вполне рутинного, принимая во внимание взрывную натуру обоих полемистов, делается слишком, на мой взгляд, далеко идущий вывод: Толстой, как пишет В.В. Чекушин, «отказывал оппоненту в принадлежности к дворянской элите и одновременно дезавуировал бунинский статус академика, намекая на его уровень “ремесленника”, хотя и талантливый» (С. 89). По-моему, здесь перед нами классический пример гиперинтерпретации: о «ремесленничестве» Бунина, как

и его принадлежности «дворянской элите», в цитируемой записи скандала не говорится ни слова, ни полслова, а вербальное «плевание» в статус академика отнюдь не дискредитирует само это почетное звание. Вот Бунин, говоря, например, о подложном с его точки зрения характере официальных советских биографий А.Н. Толстого и Горького, действительно таким приёмом их компрометировал, желая свергнуть с большевистского литературного Олимпа, а в данном случае ничего подобного нет. Программность бунинской рефлексии канона, зафиксированная в «Воспоминаниях», резко контрастирует с эмоциональными выпадами и противоречивыми сентенциями Толстого.

Прискорбно, что далее это явное преувеличение начинает повторяться, причём именно в силу такой настойчивости продвижения тезиса, в него окончательно перестаешь верить. «Толстой, четко понимая логику оппонента и отказывая ему в принадлежности к дворянской элите, автоматически отказывал Бунину и в принадлежности к “высокой” культуре» (С. 90); «В результате сложного риторического приёма достигался двойной эффект: оппонент отказывал Бунину в высоком происхождении и, соответственно, в принадлежности к элитарной культуре прошлого» (Там же). В чём заключается «сложность приёма»? – неужто в том, чтобы в пылу ссоры «наплевать» на собеседника?

Между тем сама системность связи по линии Толстой – Бунин прочувствована соискателем абсолютно верно и точно. Бунинские эмигрантские «бои» за статус, престиж и реноме, сложные манёвры на пути к нобелевскому лауреатству, покровительство и ревность к «младшим» классикам подробно освещались в науке – см. работы Даниэля Риникера, Татьяны Марченко, Максима Шраера. Думаю, что они сослужили бы В.В. Чекушину добрую службу, но, к сожалению, они также в диссертации не упоминаются.

Столь же рискованной попыткой воссоздать тенденцию на площадке зыбкого и разреженного материала является раздел 3.1, посвященный «пушкинскому мифу». Ощущения плотности фактуры такового мифа (подобной той, что мы видим, например, у Достоевского) в сознании читателя диссертации, увы, не возникает. Невозможно счесть полноценным материалом поверхностные трюизмы. Скажем, такой: «Русское искусство должно быть ясно и прозрачно, как стихи Пушкина», а «[е]го архитектоника должна быть грандиозна, строга и проста» (С. 115). Вообще, следует помнить об этой оборотной стороне пушкинского дискурса русской словесности. Ведь часто апеллирующие к Пушкину (в духе «мой любимый писатель Пушкин») на самом деле совершают маскировочный ход в сторону смысловой пустоты, нулевой характеристики, что, в общем, закономерно: «наше всё» при желании легко перекодировать в пустое множество. По-настоящему «своего Пушкина», видимо, А.Н. Толстой все-таки не создал, а если и создал, то попытка реконструировать на страницах диссертации этот опыт писателя XX в. не вполне удалась.

Подчеркну, что отмеченные недостатки лишь во вторую очередь являются частными недоработками автора диссертации. В большинстве своём – это системные признаки самого подхода, его, так сказать, родимые пятна. В целом же у меня нет сомнений, что работа В.В. Чекушина отличается предельной научной современностью, **актуальностью**, и будет востребована в академическом сообществе. Её смысловым стержнем, в полном соответствии с заветами Лотмана, является стремление показать «сотворение» или «самосотворение» человека в большой культуре. А то, что А.Н. Толстому с историческим периодом этой самой культуры не повезло – так не его в том вина.

Прозвучавшие в рецензии замечания являются дискуссионными, обсуждение лагун работы вызвано её новаторской природой, сильными теоретико-литературным и междисциплинарным акцентами. Диссертация В.В. Чекушина является в высшей степени самостоятельным, завершённым исследованием, научно-квалификационной работой, в которой содержится решение важной научной проблемы современного литературоведения. По теме диссертации соискателем опубликовано 6 статей, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК России и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения исчерпывающе представлены в автореферате. Материал диссертации «Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст», её результаты соответствуют критериям, указанным в п. 9 Положения о присуждении учёных степеней в УрФУ, а её автор Викентий Владимирович Чекушин заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

19 октября 2021 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
доцент, заведующий кафедрой журналистики и
литературоведения федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Сибирский федеральный
университет»
(660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79,
(391) 206-26-22, (391) 244-86-25;
<http://www.sfu-kras.ru>; office@sfu-kras.ru)

